

© *Дерябина Е.М.*

ТРАДИЦИОННЫЕ ДОКТРИНЫ И ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО, ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА: МОНИЗМ И ДУАЛИЗМ.

Аннотация. В данной статье обсуждается влияние национального права на международное; хотя оно и значительное, однако носит не прямой, а опосредованный характер, который определяется общей направленностью внутригосударственного права. Только внутригосударственное право демократической направленности оказывает прогрессивное воздействие на развитие международного права.

Ключевые слова: национальное право, доктрина, монизм, дуализм, внутригосударственное право, общеевропейское право.

© *Deryabina E.M.*

TRADITIONAL DOCTRINES AND GOING NEAR THE DECISION OF QUESTION ABOUT CORRELATION OF INTERNATIONAL, DOMESTIC AND EUROPEAN LAW: MONISM AND DUALISM.

Abstract. In this article influence of national right comes into question on international though considerably, however carries to the not line, but the mediated character which is determined by the general orientation of domestic right. Only a domestic right for a democratic orientation renders the progressive affecting development of international law.

Key words: the national right, the doctrine, monism, dualism, the internal law, the all European right.

1. Проблема соотношения международного и внутригосударственного (национального) права, как известно, насчитывает не одну сотню лет, хотя теоретические конструкции в виде относительно завершенных концепций и доктрин появились лишь во второй половине 20 века.

Столь позднее появление их, по мнению ряда исследователей, объясняется прежде всего тем, что до конца 19–начала 20 веков в мире еще не сложилась единая международно-правовая система, в рамках которой действовали бы государства – юридически равные между собой партнеры. Вместо единой международноправовой системы функционировали лишь региональные правовые системы, а в качестве равноправных партнеров – субъектов международного права – в этот период выступали «почти исключительно только европейские и американские государства» [1].

Что же касается вопроса о соотношении международного права и общеевропейского права права Евросоюза и Сообществ, то, естественно, он возник лишь с образованием правовой системы последних.

При этом, как показывает практика рассмотрения и попыток решения данного вопроса, несмотря на его специфику, обусловленную особенностями правовой системы Евросоюза и Сообществ, в подавляющем большинстве случаев он решается на основе и с помощью тех подходов и доктрин, которые были сформированы и использовались при разрешении

проблем соотношения международного и внутригосударственного права [2]. А именно, все сводилось и сводится, в конечном счете, к двум основным доктринам и подходам: монистическому, в двух вариантах, и дуалистическому. Что они собой представляют?

2. Монистический подход, как видно уже из названия, основан на утверждении, что международное и внутригосударственное (национальное) право едины. Предполагается, что эти правовые системы не имеют особых различий, а следовательно, должны рассматриваться как единая правовая сущность. В рамках этого подхода различают две концепции. Взгляды сторонников этих концепций значительно отличаются друг от друга: среди них выделяются сторонники примата национального права над международным и сторонники верховенства международного права над национальным. Первая концепция, фактически определяющая международное право как отрасль права внутригосударственного, основана на взглядах Гегеля о государстве и праве. Рассматривая государство как «дух в его субстанциональной разумности и непосредственной действительности», Гегель считал, что государство наделено «абсолютной властью на земле», а потому вправе по собственной воле изменять нормы как внутригосударственного, так и национального права. По мнению советского ученого-юриста Р.А. Мюллерсона, подобная концепция ведет к международно-правовому нигилизму [3]. Кроме того, история демонстрирует трагический опыт осуществления этих взглядов на практике. Хорошо известно, что эта идея получила широкое распространение в Германии в 19 – начале 20 вв., оправдывая фашизм и отказ от общепризнанных норм международного права. Большинство современных исследователей склонно считать, что в настоящее время эта концепция представляет чисто исторический интерес. Однако трудно не согласиться с точкой зрения некоторых российских исследователей, что почва для нее существует и сейчас, если рассматривать объявление конкретным государством зоной действия их интересов весь мир (или любую его часть, выходящую за пределы его государственной территории) [4].

Значительно большее распространение получила вторая монистическая концепция, отдающая предпочтение международному праву перед национальным. Она появилась после Первой Мировой войны и в тот период выражала стремление государств Антанты навязать миру свой правопорядок. Таким образом, «примат международного права в переводе на ясный политический язык означал бы примат воли крупных держав, навязываемой ими другим государствам в форме решения международных органов или в форме международных соглашений» [5]. Наиболее полно концепция примата международного права над национальным разработана австрийским мыслителем Г. Кельзенем в его трудах «Чистая теория права» (1934 г.) и «Принципы международного права» (1952 г.). Г. Кельзен фактически не видел различий между национальным и международным правом, за исключением способа их образования. На этом основании он считал, что они образуют единый правопорядок. Однако международное право играет значительно более важную роль, т. к., по мнению автора, создает возможность сосуществования множества государств, определяя территориальную сферу их деятельности и способ регулирования внутренних вопросов. Согласно концепции Г. Кельзена, и то, и другое право не различаются по объекту регулирования на том основании, что международное право регулирует вопросы не только внешней политики, но и все внутренние проблемы, которые являются объектами международных договоров или станут ими рано или поздно. Предполагается, что нормы международного права могут регулировать самый широкий спектр вопросов: от внутрисоциальных до определения форм государства (в частности, устанавливать форму правления). И наконец, Г. Кельзен, считая, что у национального и международного права единая цель – предотвращать вредное для общества поведение людей и поощрять полезное, находит, что у них общий субъект, включая индивида. Таким образом, Г. Кельзен приходит к выводу о повсеместном распространении норм международного права и, следовательно, его приоритете по отношению к национальному праву.

Советский исследователь Р.А. Мюллерсон усматривал истоки монистической концепции Г.Кельзена в его «чистой теории права», с помощью которой предпринималась попытка деидеологизировать понятия права, государства и отрицалась их политическая природа [6]. В русле теории государство отождествлялось с корпорацией. Главное отличие государства от любой другой организации Г. Кельзен видел в наличии у него суверенитета, считая, однако, что государство может быть суверенным, только если существует примат национального права. Р.А. Мюллерсон видел ошибку Г. Кельзена в неправильном подходе к понятию государственного суверенитета. «Признание государства суверенным не означает, что оно не подчиняется нормам международного права. Это означает, что оно не подчиняется другим государствам. Однако подчинение государства нормам международного права не предполагает признания примата международного права над национальным» [7]. Известный советский ученый Г.И. Тункин характеризовал подход Г. Кельзена к вопросу о соотношении международного и национального права как недиалектический, что обозначилось точкой зрения о «недопущении существования различных, но взаимосвязанных систем права» [8].

3. В конце 19 – начале 20 вв. получила распространение дуалистическая концепция соотношения международного и национального права, основанная на позитивистской школе права. Эта концепция исходила из самостоятельности и независимости каждой правовой системы, что, по мнению сторонников этого направления, было обусловлено разными предметами регулирования рассматриваемых нормативных систем: международное право регулирует отношения между государствами, а национальное право – внутренние вопросы между гражданами или между государством и гражданами. Именно поэтому «ни один из этих правопорядков не может создавать или изменять нормы другого. Механизм осуществления международноправовых норм в рамках национально-правовых систем целиком и полностью зависит от усмотрения соответствующих государств» [9]. «...Если национальное законодательство допускает возможность действия норм международного права на территории какой либо страны, то ... это следует расценивать не как проявление органически присущей международному праву возможности реализовывать себя в рамках внутригосударственного правопорядка, а как верховенство государственной власти, предоставляющей ему такую возможность» [10]. Национальное право, в свою очередь, не реализуется на международной арене, поэтому государства не могут ссылаться на свое внутреннее законодательство при решении международных вопросов.

Наиболее известные представители дуалистической концепции соотношения международного и внутригосударственного права – Х. Триппель и Д. Анцилотти. В своем исследовании «Международное право и внутригосударственное право» (1899 г.) Х. Триппель рассматривал эти области права как тесно соприкасающиеся, но никогда не пересекающиеся. Автор считал, что национальное и международное право не только различны, но и взаимосвязаны. Их взаимосвязь Х. Триппель видел в существовании вопросов, которые могут иметь решение только благодаря «трансформации» норм права одной системы в нормы другой. Д. Анцилотти подобное преобразование норм называл «репродукцией». В пользу того, что национальная и международная системы права – суть отдельные правопорядки, приводились следующие доводы. «Нормы международного права формально не являются производными от норм внутригосударственных. Внутригосударственные же нормы не могут быть обязательными в силу основной нормы международного правопорядка. Нормы международного права не могут оказывать влияние на обязательную силу внутригосударственных норм, и наоборот. Невозможны конфликты... между правом международным и внутригосударственным. Международное право может, однако, отсылать к внутригосударственному праву, а это последнее – к международному...» [11].

Советская юридическая наука дала еще одно течение в дуалистической концепции. «В отличие от западных дуалистов советские ученые, признавая объективную самостоятельность двух систем права, указывали и на постоянную их взаимосвязь..., желательность согласованности между ними как на стадии нормообразования, так и на стадии применения тех и других норм» [12].

Такой подход к проблеме получил название «диалектического дуализма». Его суть состоит в том, что юридическое превосходство одной системы над другой отрицается, а подчеркивается их активное взаимодействие друг с другом и взаимовлияние. Однако С.В.Черниченко обращает внимание на то, что это влияние не правовое, а скорее социальное [13].

Такой подход в целом был характерен для российской юриспруденции. Русский дореволюционный юрист Мартенс Ф.Ф. видел очевидную связь международного и национального права. «...Современное положительное международное право нельзя понять, не зная действующего государственного права образованных народов» [14]. Другой исследователь в данной области, Л.А. Камаровский? писал: «Нормы, выставленные каким-либо одним государством, превращаются в международные лишь на основании согласия всех остальных народов, выраженного либо молчаливо..., либо формально...» [15]. Известный русский юрист П.Е. Казанский считал, что «международное право и постановления права внутригосударственного должны находиться в согласии между собою. Внутригосударственное право не может противоречить международному. Если же подобные противоречия окажутся, ... государство обязано... согласовать свои внутренние порядки с принятыми им на себя обязательствами. Международное право должно быть выполняемо» [16].

В западном варианте «диалектический дуализм» назывался «умеренным дуализмом». Сущность направления от этого не менялась: международное и внутригосударственное право по-прежнему рассматривались как различные, но тесно связанные между собой правовые системы. Необходимо отметить, что вместе с умеренным дуализмом появилось и направление умеренного монизма. Их сути, однако, совпадали. А. Фердросс по этому поводу писал: «Данная теория сохраняет различия права международного и внутригосударственного права, но в то же время подчеркивает их взаимосвязь в единой правовой системе на основе Конституции международного правового сообщества» [17]. Умеренный монизм, воздерживаясь от радикализма, признал примат действия норм внутреннего права во внутригосударственной сфере, даже если есть противоречия с правом международным. Основным достижением «теорий умеренности» несомненно является отказ от противопоставления норм международного права наличию государственного суверенитета. «Эти правовые категории с необходимостью предполагают наличие друг друга.... Международное право немислимо без его основных субъектов ... суверенных государств. А государство, в свою очередь, не может существовать без такого важнейшего свойства государственной власти, как суверенитет» [18].

Государства выступают в нормотворческих процессах как создатели и международно-правовых, и внутригосударственных норм. И те, и другие правовые нормы не образуют новой системы, а остаются частями своих систем права. Обе системы вступают друг с другом во взаимодействие на основе определенных согласованных правил поведения. Взаимодействие обеих систем выражается в их взаимовлиянии, при этом первичным является влияние национального права на международное. Тункин Г.И. справедливо отмечал, что международное право создают государства, а не наоборот [19]. Однако это не означает, что нормы национального права имеют какое-либо преимущество по сравнению с нормами международного права. Такое положение дел проистекает из того, что внутренняя политика, как правило, является определяющей по отношению к внешней.

Согласно Р.А. Мюллерсону, такая первичность означает, что государства, создавая нормы международного права, исходят из норм и принципов своего национального права, закрепленных в конституциях, и «не идут на создание норм международного права, противоречащих основам их социального и политического строя. Государства также стараются не заключать международные соглашения, выполнение которых требовало бы от них осуществления значительных изменений в своем национальном праве» [20]. Юридическая наука указывает на двоякое влияние, которое оказывает внутригосударственное право на международное право – материальное и процессуальное. Материальное влияние означает воздействие содержания норм национального права на содержание норм международного права. Процессуальное влияние – это влияние внутригосударственных норм, регулирующих порядок заключения международных договоров, на действительность норм международного права. Действительный договор должен быть правомерным не только по содержанию, объекту и целям, но и по способу заключения. Это означает, что, воплощая подлинное соглашение субъектов договора, не противореча основным принципам и императивным нормам международного права, договор должен быть заключен субъектами международного права с соблюдением всех формальностей.

4. Основной особенностью воздействия национального права на международное является то, что это воздействие однопорядковых явлений друг на друга, а именно: юридически обязательных правил поведения одной сферы на юридически обязательные правила поведения другой равноценной сферы [21].

На международное право оказывает влияние несколько видов актов и принципов национального права. Прежде всего, это принципы внешней политики государства, как правило, закрепленные в конституции страны. Внешнеполитические принципы современных демократических государств являются прямым продолжением основополагающих (общепризнанных) принципов международного права.

В российской юридической науке принципы международного права понимаются как общие нормы права или как принципы-идеи. Чтобы воплотиться на практике, они должны быть конкретизированы в норме международного права. Принципы в международном праве призваны устанавливать режим международного сотрудничества и его организационно-правовые основы [22]. Тункин Г.И. придерживался определенной квалификации принципов международного права, указывая, однако, на ее условность, поскольку все принципы взаимосвязаны и одинаково значимы для международной системы права. В то же время регулирующая роль тех или иных принципов наиболее ярко проявляется в конкретных сферах международных отношений.

Основные принципы международного права можно разделить следующим образом: принцип мирного сосуществования государств независимо от их экономических, социальных и политических систем; принципы, непосредственно относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности; общие принципы международного сотрудничества.

Принцип мирного сосуществования появился сразу после Октябрьской революции. С одной стороны, он предполагал добрососедские отношения с капиталистическими государствами, а с другой – должен был послужить средством для обеспечения условий мирного соревнования социализма и капитализма, в котором социализм докажет свое преимущество и, таким образом, победит. В тот период истории западные государства идею мирного сосуществования отвергли. Сам принцип получил юридическое закрепление только после Второй мировой войны в Уставе ООН [23]. Принцип мирного сосуществования обязывает государства признавать различные социальные, политические и экономические системы, принятые в других государствах, не навязывая свои ценности с помощью силы, финансов или экономики.

Среди принципов, непосредственно относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, прежде всего необходимо назвать принцип неприменения силы и угрозы силой. В международном праве он появился в период между двумя мировыми войнами как принцип запрещения агрессивной войны. Он запретил право государств на войну, позволявшее любой стране в случае международного спора прибегнуть к военным действиям. В настоящее время этот принцип закреплен в ст.2 Устава ООН. Принцип мирного разрешения международных споров самым тесным образом связан с предыдущим, т. к. он предполагает, что государства должны разрешать споры между собой только мирными средствами. До 20 века считалось, что споры между государствами можно решать и немирными средствами, включая войну [24]. Принцип территориальной целостности государств также является частью принципа неприменения силы или угрозы силой, а также принципа суверенного равенства государств. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе он выделен как самостоятельный принцип международного права [25]. Принцип нерушимости границ также выделен как самостоятельный и идет дальше принципа неприменения силы, т. к. предполагает отказ от претензий на пересмотр государственных границ [26]. Хотя по взаимному согласию государства всегда могут изменить свои границы. К общим принципам международного сотрудничества относятся: принцип суверенного равенства государств; принцип невмешательства; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип сотрудничества государств; принцип уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Значительное влияние на международное право оказывают «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» [27] или юридические максимы. Большинство из них пришли из римского права и создали основу национальных правовых систем. Наиболее известные среди них: «выслушаем и другую сторону», «никто не может передать другому больше прав, чем он сам имеет», «специальный закон отменяет общий», «последующий закон отменяет предыдущий» и др. Заметное влияние на международное право общие принципы оказали в таких вопросах, как международноправовой статус открытого моря, дополнения к положению об открытом море; в практике международных судов применяются такие общие правовые понятия, как «добрая совесть», «злоупотребление правом», «бремя доказательств возлагается на сторону, предъявившую иск». Юридические максимы не регулируют какие-либо конкретные отношения, их цель – обеспечить согласованность между отдельными положениями правовой системы. Возникнув в национальном праве, они укоренились в международном праве благодаря соглашениям между государствами. Тункин Г.И. отмечает, что нормами права они не являются, хотя и носят правовой характер.

Кроме внешнеполитических принципов и общих принципов права, существенное влияние на международное право оказывают нормы национального права, регулирующие конкретные формы осуществления внешнеполитических функций. Свое отражение они нашли в дипломатическом и консульском праве, которое регулирует правовое положение и деятельность органов внешних сношений государств и сотрудников этих органов, а также вопросы привилегий и иммунитетов сотрудников межправительственных организаций и самих организаций. При создании Конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Комиссия международного права ООН запрашивала сведения о нормах национального законодательства по вопросам правового положения иностранных дипломатических представительств и дипломатов на территории государств, поскольку нормы, регулирующие эти вопросы, первоначально возникли в национальном праве, а затем вошли в качестве обычных норм в международное право.

Большое влияние на международное право оказывают нормы, выработанные в ходе урегулирования отношений между субъектами национального права разных государств

– физическими или юридическими лицами. В качестве средств установления норм международного права в этом случае выступают как национальные законодательные акты, так и решения национальных судов. Государства, одинаково регулирующие спорные вопросы, создают так называемое «параллельное законодательство», которое впоследствии закрепляется в международном праве в виде международных обычаев, и далее, после всеобщего признания в качестве обычных норм или конвенционных, они становятся норм международного права. Речь идет о национальных нормах, наиболее целесообразных с точки зрения практики, образцом для которых служит законодательство другого государства. Например, до Первой мировой войны не существовало общепризнанных международных норм, регулирующих перемещение в воздушном пространстве. Впервые инициатором распространения государственного суверенитета на воздушное пространство выступила Швейцария, поскольку, являясь в войне нейтральным государством, не одобряла полеты иностранных воздушных судов над своей территорией. Вскоре многие государства последовали ее примеру. Среди совпадающих норм также можно назвать навигационные нормы, нормы морского права, дипломатического права и др. Таким образом, «параллельное законодательство» способствует формированию и развитию новых норм международного права.

Еще одна группа норм национального права, влияющая на международное право – это нормы, регулирующие сугубо внутригосударственные отношения, могущие породить межгосударственные отношения по поводу их регулирования. Наиболее яркий пример – нормы, регулирующие отношения между государствами по поводу защиты прав и свобод человека.

Как говорилось выше, влияние национального права на международное право двояко – материальное и процессуальное. Процессуальное влияние касается важнейшей формы осуществления внешнеполитической функции государства – заключения международных договоров. Эту функцию обеспечивают различные органы государства через специально уполномоченных на то лиц. «В процессе создания норм права международных договоров важное место занимают конституции и другие нормативные акты государств. Они устанавливают, какие органы и в каких случаях имеют право заключать международные договоры, определяют органы и процедуру ратификации, перечень договоров, подлежащих обязательному предварительному парламентскому одобрению и ратификации, последовательность осуществления этих актов и т. д.» [28]. В некоторых государствах приняты специальные законодательные акты, определяющие порядок заключения, исполнения и прекращения действия международных договоров. Нарушение некоторых положений национального права, касающихся порядка заключения договора, влечет за собой недействительность такого договора. Венская конвенция о праве международных договоров в ст. 46 предоставляет государствам право ссылаться на нарушение норм заключения договоров своего национального права как на основание недействительности договора, особенно если нарушение было явным и касалось нормы внутреннего права государства особого назначения [29].

Таким образом, влияние национального права на международное хотя и значительно, однако носит не прямой, а опосредованный характер, который определяется общей направленностью внутригосударственного права. Только внутригосударственное право демократической направленности оказывает прогрессивное воздействие на развитие международного права.

5. Однако международное право, в свою очередь, оказывает немалое воздействие на национальное право. «Под его влиянием в национальном праве возникают новые нормы, изменяются либо отменяются существующие, то есть, оказывая помощь международному праву с целью реализации его норм, национальное право подвергается изменениям,

вызванным необходимостью исполнения норм международного права» [30]. Таким образом, если влияние внутригосударственного права на международное носит скорее социологический характер, то обратное воздействие имеет сугубо юридический аспект, поскольку нормы международного права для своей реализации нуждаются в помощи норм национального права. Такая помощь необходима не потому, что нормы международного права в какомто смысле неполноценны, а потому, что международное право имеет особый характер, что и обуславливает особенности реализации его норм [31].

Во-первых, нормы международного права создаются самими субъектами международного права путем согласования их волей. Во-вторых, если нормы национального права соответствуют социальной сущности конкретного государства, то нормы общего международного права имеют общедемократический характер. В-третьих, субъектами национального права являются физические и юридические лица. Среди субъектов международного права основное место занимают суверенные государства, а также государства в стадии становления, нации, межгосударственные организации, государственноподобные образования, и в последнюю очередь – юридические и физические лица. Далее, международное право, в отличие от национального, имеет свой предмет регулирования – отношения между участниками межгосударственной системы. И наконец, главную роль в функционировании международного права играют государства и международные организации. Таким образом, международное право отличается от национального по способу образования норм права, социальной сущности, субъектам, объекту регулирования и способу функционирования [32].

Особенно следует подчеркнуть две особенности международного права, влияющие на реализацию его норм. Субъекты международного права – суверенные государства – сложные социальные образования, к которым международное право относится как к нерасчлененному целому, и потому возникает необходимость опираться на национальное право при реализации своих норм. Необходимость содействия норм национального права также определяется тем обстоятельством, что в нормах международного права содержатся положения, которые в конечном счете должны регулировать отношения с участием субъектов национального права, т. е. им необходимо «переадресовать» нормы международного права через нормы национального права [33].

В международно-правовой практике для этих целей предлагается несколько концепций – теории трансформации, инкорпорации и имплементации.

Теория трансформации отражает дуалистический подход к проблеме соотношения международного и национального права. Ее основная идея – поскольку международное и внутригосударственное право представляют собой различные правопорядки, то международные нормы могут приобрести силу норм внутригосударственного права только при условии придания им силы национального права путем издания внутригосударственного правового трансформационного акта. Эта теория вызывает значительную критику со стороны исследователей. Достаточно условным представляется и сам термин «трансформация», и смысловая нагрузка, которую он несет, не отражает сущности процесса применения международных норм в рамках национальной системы права. Слово «трансформация» буквально обозначает «превращение», т. е. международно-правовые нормы посредством трансформационных норм должны превратиться в нормы национального права. Как следствие, международные нормы становятся включенными во внутригосударственную правовую систему. Однако, как считают российские исследователи, «международное право, по сути своей, является международным правом. ...Международный договор, как продукт согласования волей независимых государствучастников, не может как таковой исчезнуть из сферы международного пра-

ва в результате его превращения, по волеизъявлению одного из государственных участников, в национальный нормативный акт» [34].

В основе теории инкорпорации (адаптации) лежит монистический подход к вопросу о соотношении международного и внутригосударственного права. Согласно ей, международное право является составной частью внутреннего права, т. к. эти системы полностью согласуются между собой. Благодаря положениям конституции или решениям национальных судебных органов, международно-правовые нормы становятся частью национального права без издания дополнительных внутренних правовых актов. Критику этой концепции можно свести к следующим основным моментам. Теория инкорпорации не делает различия в содержании и предназначении норм международного права – регулируют они отношения внутри государства или отношения, выходящие за его рамки. Инкорпорация также не учитывает, что международноправовые нормы не всегда пригодны для регламентации отношений с участием субъектов национального права, поэтому возникают проблемы самоисполнимых и несамоисполнимых норм международного права [35]. При объявлении международных норм частью национального права также возникают проблемы «технического» характера, которые часто не находят должного решения в правовой практике государств. Таким образом, обе концепции «не отвечают современному уровню развития международной и национальных правовых систем, не раскрывают сути действительного соотношения их нормативных компонентов друг с другом» [36].

В основе теории имплементации лежит дуалистический подход к проблеме соотношения международного и национального права. Сам термин «имплементация» дословно означает осуществление, претворение в жизнь. Так же, как и теория трансформации, эта концепция основывается на положении о самостоятельности систем национального и международного права, но для согласования их норм предлагает другое основание. Концепция предлагает не преобразовывать международные нормы в национальные, и не объявлять их частью внутреннего права, а «наделить их способностью действовать в собственном качестве в правовой системе соответствующего государства с санкции и при помощи вторых» [37]. Суть процесса должна заключаться в проведении мероприятий, направленных «на признание юридической силы и организационное обеспечение осуществления международных правовых норм внутри государства» [38]. Содержание механизма имплементации международных норм зависит от их вида, содержания и конкретной цели международноправового регулирования, а также от особенностей правовой системы государства.

6. Основные положения и выводы, касающиеся использования монистического и дуалистического подходов к рассмотрению вопросов о соотношении международного и внутригосударственного (национального) права, а также об их взаимном влиянии друг на друга, в полной мере, как представляется, распространяются и на систему отношений международного и европейского права. Разумеется, с учетом тех отличительных особенностей, которые свойственны, с одной стороны, европейскому международному праву, субъектами которого являются не только государства-члены Евросоюза и международные организации, но и третьи европейские (например Швейцария) и неевропейские страны, а с другой – европейскому региональному внутриблоковому праву, порожденному различными договорными актами Евросоюза и Сообществ и исходящими от их различных институтов юридически значимыми решениями.

Более того, многие положения монистической и дуалистической доктрин довольно широко и активно используются рядом авторов при анализе характера отношений внутрирегионального уровня – отношений, существующих между европейским наднациональным правом и национальным.

В частности, с опорой на монистическую теорию, а также на получивший за последние годы распространение тезис о том, что «между монистической и дуалистической теориями нет глубокого различия» [39], что наличие фундаментальных между ними различий «кажется лишь на первый взгляд» [40], обосновывается в рамках Европейского Союза и Сообществ необходимость и оправданность факта прямого действия европейского наднационального права по отношению к национальному [41].

Исходя из этих же позиций, в западной юридической литературе обосновывается тезис о том, что международные конвенции применительно к национальному праву государств-членов, таким, в частности, как право Франции, становятся составными частями их правовых систем, что, однако, «вовсе не означает наличия у них такого же статуса, каким обладают национальные правовые акты» [42].

Наряду с отмеченными вариантами, основные положения монистической и дуалистической доктрин используются как в пределах Евросоюза, так и за его рамками и в других направлениях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Fish J. Power of Weakness? On the Causes of the WorldWide Expansion of European international Law. – Journal of the History of international Law. 2004. Vol. 6, N 1, p.p. 21, 23.
2. Slaughter A., WhiteBurke W. The Future of international Law is Domestic (or, the European Way of Law). Harvard international Law Journal. 2006, Vol. 47N2, p. 327-346.
3. Гегель. Сочинения. Т. 7. Философия права. М.-Л., 1934.
4. Мюллерсон Р.А. Конституция СССР и вопросы соотношения международного и национального права., – М., 1980.
5. Тункин Г.А. Право и сила в международной системе. – М., 1983.
6. Тункин Г.А. Указ. соч. – М., 1983.
7. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. – М., 1982. – С. 11-16.
8. Мюллерсон Р.А. Указ. соч., – М., 1982. – С. 12.
9. Тункин Г.И. Идеологическая борьба и международное право. – М., 1967. – С. 59.
10. Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем., – Владивосток, 2005. – С. 132.
11. Гаврилов В.В. Указ.соч. – С. 132.
12. Шамсон Р.Т. Соотношение международного и внутригосударственного (национального) права: теоретические аспекты. – М., – С. 31.
13. Шамсон Р.Т. Указ.соч. – С. 38.
14. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Т1: Современные теоретические проблемы. – М., 1999.
15. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб., 1898. – С. 188.
16. Камаровский Л. Основные вопросы науки международного права. – М., 1892. – С. 9.
17. Казанский П. Введение в курс международного права. – Одесса, 1901. – С. 264.
18. Фердросс А. Международное право. – М., 1959. – С. 89.
19. Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. – Владивосток, 2005. – С. 138.
20. Тункин Г.И. Основы современного международного права. – М., 1956.
21. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. – М., 1982. – С. 29.
22. Мюллерсон Р.А. Указ. соч. – С. 30.

23. Шамсон Р.Т. Соотношение международного и внутригосударственного (национального) права: теоретические аспекты. – М. – С. 101.
24. Международное право в документах. – М., 1982.
25. Международное право в документах, Устав ООН, ст. 2. – М., 1982.
26. Международное право./ под ред. Тункина Г.И. – М., 1994.
27. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1.08.1975г. Международное право в документах – М., 1982.
28. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1.08.1975г. Международное право в документах – М., 1982. – С.12.
29. Статут международного Суда от 26 июня 1945 г., Международное право в документах. – М. 1982.
30. Международное право, / под ред. Тункина Г.И. – М., 1994.
31. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., Международное право в документах. – М., 1982.
32. Мюллерсон Р.А. Указ. соч. – С. 55.
33. Мюллерсон Р.А. Указ. соч. – С.56.
34. Международное право./ под ред. Тункина Г.И. – М., 1994.
35. Мюллерсон Р.А. Указ. соч. – С. 58.
36. Аверков В.М. Теоретические проблемы унификации // Московский журнал международного права. 2000. – № 3. – С.74.
37. Международное право./ под ред. Тункина Г.И. – М.,1994. – С.137.
38. Гаврилов В.В. Указ.соч. – С. 154.
39. Гаврилов В.В. Указ. соч. – С. 155.
40. Гаврилов В.В. Указ. соч. – С.155156.
41. Jacobs Fr., Roberts Sh.(eds.). The Effect of Treaties in Domestic Law., L., 1987Vol. 7 P.XXVI.
42. Markesinis B. (ed.). The Gradual Convergence. Foreign ideals, Foreign influences and English Law on the 21st Century. Oxford. 1994.P.145.
43. Lenaerts K., Nuffel P. Constitutional Law of European Union. L., 2005, P. 339.
44. Markesinis B. (ed.). Op.cit., P.134.